

Гу И решил, что избежал беды, и только собрался подняться с пола, как услышал, что Цзянь Сэнь окликнул филиппинскую домработницу, находившуюся на втором этаже:

— Принеси весы и метелку из перьев!

Если он сегодня как следует не проучит этого щенка, то его имя можно переписывать задом наперед.

В роскошной, со вкусом обставленной гостиной в европейском стиле мужчина, закатав рукава рубашки до локтей, сидел на диване, закинув ногу на ногу, и, подперев лицо рукой, смотрел на стоявшего перед ним парня.

— Серьезно хочешь расстаться? — Цзянь Сэнь, от которого исходило мощное давление, погрозил Гу И пальцем. — Только не носи мне этот бред про то, что мы не подходим друг другу.

Горло Гу И сжалось.

— Я охладел.

Цзянь Сэнь насмешливо хмыкнул:

— Охладел?

Гу И закусил губу, его руки, опущенные вдоль тела, сжались в кулаки.

На самом деле он вовсе не охладел, просто чувствовал, что недостойн его. Мужчина, стоящий сейчас перед ним, был лучше него во всем: способнее, ответственнее и гораздо лучше разбирался в людских отношениях. Он признавал, что был труслив и никчем: не осмелился вмешаться в тот фарс и защитить дядю, и в итоге даже спасти положение пришлось Ци И. Он был просто слабым трусом, который вечно стоял в стороне и ждал защиты от Цзянь Сэня. Цзянь Сэнь никогда в нем не нуждался — это он всегда был обузой.

Он снова вспомнил вызывающий взгляд Ци И на церемонии помолвки, словно тот при всех дал ему пощечину. Было больно, и ответить было нечем.

— Зачем вам, господин Цзянь, цепляться за меня? По сравнению со мной, господин Ци вам куда лучше подходит.

Цзянь Сэнь прищурился, внезапно осознав, в чем дело. Он усмехнулся, встал и подцепил пальцем подбородок Гу И:

— Когда ты был в моей постели, ты говорил совсем другое.

Уши Гу И покраснели, и он возразил:

— Мужским словам в постели верить нельзя.

— Вот как? Значит, твоим словам верить нельзя? — Цзянь Сэнь приподнял бровь, в его взгляде

читалась то ли насмешка, то ли гнев.

Гу И сглотнул:

— Именно так.

В этот момент вернулась домработница с весами и метелкой и поставила их перед Гу И. Цзянь Сэнь помрачнел, взмахнул метелкой, издав пугающий свист в воздухе.

— Тогда я посмотрю, насколько у тебя крепкий язык! — С этими словами Цзянь Сэнь хлестнул Гу И по спине.

Удар был несильным, но все равно болезненным. Гу И остолбенел: он не ожидал, что тот действительно пустит в ход силу. У Цзянь Сэня внутри klokотала ярость, он указал метелкой на весы:

— Вставай на колени! Если цифра будет больше тридцати килограммов, я тебя ударю!

Гу И был уже взрослым парнем, и получить взбучку на глазах у прислуги было ужасно стыдно, не говоря уже о том, чтобы вставать на колени в качестве наказания. Он тут же нахмурился:

— Не буду я вставать на колени!

Едва он договорил, как в воздухе снова раздался свист. Цзянь Сэнь хлестнул его по заднице:

— Наша семья Цзянь не терпит подонков! Ты сегодня обидел меня, и если не начнешь каяться, я тебя до смерти запорю!

От боли Гу И дернулся и взорвался:

— Да с чего я подонок-то?!

— А с чего нет?!

Беременность протекала тяжело, особенно остро Цзянь Сэнь реагировал на все запахи и состояния. Каждый день его либо тошнило, либо мучили боли в животе, к тому же приходилось постоянно беспокоиться о риске выкидыша, проявляя осторожность во всем. Цзянь Сэнь был на грани нервного срыва, поэтому, не церемонясь, ударил метелкой Гу И под коленки:

— Я, черт возьми, страдаю из-за тебя, а ты вот так просто предлагаешь расстаться!

Гу И вскочил:

— Я же ради тебя стараюсь!

Ради него, как же! Цзянь Сэнь счел это лишь отговоркой и, не слушая возражений, заставил его встать на колени на весы:

— Попробуй только встать — я тебя не пощажу!

— Черт! Раз не разрешаешь, не буду вставать!

Гу И действительно не смел подняться, опасаясь снова получить метелкой. Цифры на весах бешено скакали, оба пристально следили за показаниями. Гу И был почти метр девяносто ростом и весил семьдесят пять килограммов, как он мог удержать вес на отметке в тридцать килограммов? Как только на маленьком дисплее высветилось сорок пять килограммов, метелка Цзянь Сэнь опустилась ему на спину.

— Превысил!

— Разве я могу это контролировать?! — Гу И был обижен и взбешен. Интересно, кто придумал такое наказание — вставать на колени на весы? Он обязательно найдет этого человека и задаст ему трепку!

Он осторожно замер, стараясь контролировать тело, и когда цифра замерла на тридцати, он облегченно выдохнул. Но стоило ему расслабиться, как цифра изменилась. Цзянь Сэнь без колебаний ударил его снова:

— Стой смирно!

— ...

Настоящий мужчина умеет и побеждать, и проигрывать! В конце концов, это всего лишь колени! Гу И, проявив твердость характера, напряг все мышцы и, сцепив зубы, продолжил стоять.

Цзянь Сэнь еще не остыл. Он стоял перед Гу И, скрестив руки на груди:

— Говори, какая причина для расставания?

Гу И повторил ту же отговорку:

— Мы не подходим друг другу.

— Чушь! — Цзянь Сэнь ударил его снова, в ярости теряя контроль над словами. — Что значит не подходим? Это у тебя там что-то уменьшилось или ты считаешь, что я стал слишком расхлябанным?

Гу И в шоке поднял голову. Цзянь Сэнь, подбоченившись, тяжело дышал:

— Если бы ты тогда не лип ко мне, думаешь, я бы стал с тобой связываться?!

Их первая ночь случилась в ночь на двадцать шестой день рождения Цзянь Сэня. Тогда Цзянь Сэнь был ослеплен Гу Яньхэ, который напоил его на банкете и подмешал возбуждающее средство, пытаясь сделать компрометирующие фотографии, чтобы шантажировать его. К счастью, Цзянь Сэнь очнулся раньше и случайно услышал о планах Гу Яньхэ, избежав беды.

Однако алкоголь ударил в голову, и в порыве ярости он разгромил дом Гу Яньхэ, а когда действовало средство, желая отомстить, он потащил первого попавшегося человека в отель. Этим человеком был Гу И.

— С чего это я лип?! Ты переспал со мной, значит, должен нести ответственность! — Гу И попытался встать, но получил удар по заднице. Ему пришлось снова опуститься на колени, пробормотав с обидой: — Это ты подонок, переспал и хочешь сбежать!

Цзянь Сэнь был в ярости, но, услышав обвинения в свой адрес, вдруг рассмеялся.

— Я подонок? — Он приподнял подбородок Гу И метелкой и посмотрел прямо в глаза. — Кто первый снял штаны?

Гу И покраснел и начал спорить:

— Это ты меня соблазнил!

— О? — Цзянь Сэнь многозначительно улыбнулся. — Значит, я привлекателен. Так почему ты хочешь расстаться?

— ...

Гу И отвернулся, плотно сжав губы. Он признавал, что Цзянь Сэнь невероятно притягателен. Страстный и раскрепощенный в постели, холодный и отстраненный в жизни. Он был безумно влюблен в эту страсть и в то же время в эту холодную решительность. Но именно такого Цзянь Сэня он считал недостижимым для себя. Однако он знал, что если скажет это вслух, то получит побои и нотации, поэтому молчал.

Живот Цзянь Сэня снова разболелся. Увидев, что парень замолчал, он решил, что сам уже устал бить, и присел на диван отдохнуть. Глубоко вдохнув, чтобы успокоиться, он слегка постучал метелкой по ладони:

— Если не отвечаешь на этот вопрос, спрошу о другом. Ты к кому приревновал?

Гу И вздрогнул. В голове снова всплыл вызывающий взгляд Ци И. Он покачал головой:

— Ни к кому. Просто надоело.

Цзянь Сэнь хмыкнул. Этот щенок до самого конца будет упрямиться! Если он сегодня как следует его не проучит, кто знает, что он выкинет в будущем! Гу И, не чувствуя опасности, продолжал напрашиваться:

— Мир полон цветов, зачем господину Цзянь вешаться на одном дереве?

Мир полон цветов, надо же! Цзянь Сэнь пришел в ярость, хлестнул Гу И по заднице и прошипел сквозь зубы:

— Ты сделал меня беременным и хочешь сбежать?!

Беременным? Гу И замер, его взгляд упал на живот Цзянь Сэня. Плоский живот не выдавал никаких изменений.

— Вы, семейство Гу, все такие негодяи! — Цзянь Сэнь не осознал, что проговорился. — Старик обманул мои чувства, а теперь еще и этот, в животе, тоже мучает меня! Я что, должен вам что-то?!

Возможно, из-за гормональных скачков при беременности он сначала злился, но потом почувствовал себя до того обиженным, что глаза постепенно покраснели. Последние дни он жил в таком напряжении. Гу Яньхэ постоянно доставлял неприятности, Гу И тоже не сидел спокойно, да и ребенок, в котором текла кровь семьи Гу, изводил его до полусмерти. Все тяготы он нес в одиночку, а теперь Гу И еще хочет разорвать с ним отношения. Как будто он — посмешище, вокруг которого вся семейка Гу водит хороводы.

Кто он такой, чтобы так с ним обращаться?! Он тоже сын семьи Цзянь, драгоценное сокровище, которое все берегли на руках, с какой стати он должен терпеть издевательства от каких-то Гу!

Цзянь Сэнь, словно выплескивая накопившуюся ярость, начал бить Гу И метелкой, не сдерживая силы. На коже мгновенно выступили красные следы. Гу И метался из стороны в сторону, наконец выхватил метелку и, стараясь умиловить его, взмолился:

— Брат Сэнь, я неправ, я правда неправ, не злись, побереги себя... а-а...

Не успел он договорить, как Цзянь Сэнь ущипнул его за ухо:

— Ты каждый раз говоришь, что неправ, но хоть раз исправился?!

— Брат, брат, я подонок, не злись на подонка! — Гу И воспользовался моментом, обнял его и положил руку на живот. — Тут же малыш, не злись больше...

Лучше бы он не упоминал ребенка. От этих слов Цзянь Сэня захлестнула новая волна ярости. Не успел он снова схватить метелку, как внизу живота почувствовал резкую боль. Лицо Цзянь Сэня мгновенно побелело. Он случайно спровоцировал угрозу выкидыша. Цзянь Сэнь запаниковал, и боль стала еще отчетливее.

Гу И забеспокоился:

— Брат Сэнь, что с тобой?

Цзянь Сэнь вцепился в его одежду и выдавил сквозь зубы:

— Проваливай!

Если бы он убежал сейчас, то стал бы настоящим подонком. К тому же Гу И прекрасно знал характер Цзянь Сэня: жесткий снаружи, мягкий внутри. Он, не раздумывая, подхватил Цзянь Сэня на руки, запихнул в машину и, вдавив газ в пол, помчался в больницу. По дороге он торопливо ехал и одновременно мягко успокаивал Цзянь Сэня. Цзянь Сэня это раздражало, и он влепил ему пощечину, после чего тот наконец замолчал и сосредоточился на дороге.

В больнице они столкнулись с Цай Хуанем, который как раз собирался вернуться на виллу Цзянь Сэня. Гу И, не успев подумать, почему тот здесь, закричал на него:

— Живо зови врача!

Цай Хуань вздрогнул. Цзянь Сэнь хлопнул Гу И по груди:

— Разговаривай нормально!

Гу И неохотно добавил:

— Пожалуйста, позови врача.

Цай Хуаню и просить не пришлось, он уже вызвал доктора Чу. После всех хлопот малыш в животе наконец успокоился. Доктор Чу отчитал Гу И в коридоре:

— Как ты можешь быть мужем?! Во время беременности самое важное — это стабильное эмоциональное состояние, а ты доводишь его до гнева!

Гу И, понимая свою вину, начал извиняться, но доктор Чу отмахнулся:

— Извиняйся перед Цзянь Сэнем.

Вернувшись в палату, он увидел, что Цзянь Сэнь о чем-то беседует с Цай Хуанем. Стоило ему увидеть Цай Хуаня, как лицо Гу И почернело. Он не забыл слов Цзянь Сэня. Цай Хуань такой послушный и мягкий, гораздо покладистее его! Это ужасно бесило. Цзянь Сэнь, заметив его, холодно произнес:

— Уходи, не хочу тебя видеть.

Гу И закусил губу и прямо вошел в палату.

— А он? — он указал на испуганного Цай Хуаня, стоявшего у кровати. — Если он не уйдет, я тоже не уйду.

Цай Хуань поспешно опустил голову. Увидев, что лицо Цзянь Сэня стало ужасно неприятным, он прошептал:

— Господин Цзянь, вам сейчас нельзя волноваться.

Лицо Цзянь Сэня тут же смягчилось:

— Я знаю, иди по своим делам.

Цай Хуань только этого и ждал: схватил вещи и поспешно выбежал из палаты. Инь Фань как раз пришел за ним и, увидев, что он выбегает в панике, обхватил его руками и прижал к себе. Цай Хуань, не глядя под ноги, врезался прямо в его крепкую грудь. Он потер лоб и, подняв голову, с удивлением произнес:

— Малыш? Ты чего пришел?

Инь Фань пришел в больницу, боясь, что его обидят, но не ответил, а лишь поправил белый халат, который перекосялся на Цай Хуане. Затем он щелкнул его по лбу и притворно рассердился:

— Ходи осторожнее, не надо потом снова падать и плакать у меня на плече.

Цай Хуань потер лоб с обиженным видом. Инь Фань спросил:

— От кого ты бежал? Кто за тобой гнался?

При упоминании об этом Цай Хуань вцепился в руку Инь Фаня, выглядя как испуганный зайчонок. Инь Фань почувствовал, как сердце сжалось от жалости, и погладил его по голове:

— Все хорошо, я здесь.

— Я так испугался... — Цай Хуань встал на цыпочки и прошептал Инь Фаню на ухо.

Рассказав, он с содроганием прижал руку к сердцу, выглядя действительно напуганным. Инь Фань почувствовал лишь дыхание на своем ухе и мягкий голос Цай Хуаня. Это было чертовски соблазнительно. У Инь Фаня перехватило горло, а кончики ушей покраснели. Он посмотрел в сторону, откуда прибежал Цай Хуань, но никого не увидел, и снова спросил:

— В чем дело?

Цай Хуань покачал головой и невпопад сказал:

— Один плохой человек, но он не совсем злодей.

А потом, словно что-то вспомнив, возмущенно добавил:

— Он такой злой! Еще и накричал на меня!

Инь Фань вспыхнул:

— Какого черта? Кто этот придурок?!

Цай Хуань окинул его взглядом и решил, что если тот начнет драться с Гу И, силы будут примерно равны, поэтому потянул его за собой:

— Малыш, успокойся, не надо драться.

— ...

Увидев, что тот не хочет говорить, Инь Фань лишь отвел его из больницы. И про себя решил нанять телохранителей, чтобы те круглосуточно следили за Цай Хуанем, чтобы, когда он уходит на учебу, этого маленького зайчика никто не обижал. А кто накричал на его зайчика — когда он его найдет, то живьем с него шкуру спустит!

Гу И, не подозревая, что его собирается ободрать сосед по комнате, смотрел на холодного Цзянь Сэня, который требовал уйти. Он плюхнулся на колени перед кроватью и, схватив его за руку, начал молить о прощении:

— Брат Сэнь, не выгоняй меня, я готов встать на колени хоть на дуриан, хоть на клавиатуру, хоть на весы, только не выгоняй меня!

Цзянь Сэнь испугался такого напора и поспешно вырвал руку:

— Встань!

— Если не простишь, не встану!

— Тогда продолжай стоять.

Цзянь Сэнь собрался встать с кровати. Черт возьми, этот щенок так быстро меняется, он не привык к такому. Гу И, увидев, что тот собирается уйти, обхватил его за длинные ноги и потерся красивым лицом о его бедро, ластясь:

— Брат Сэнь, прости меня, я больше никогда не буду...

Еще и «больше никогда»? Цзянь Сэнь оттолкнул его голову, лицо его выражало гнев:

— Отпусти!

Гу И проявил невероятную наглость:

— Тогда дай мне шанс, иначе не отпущу!

Когда человек начинает вести себя как негодяй, даже боги выходят из себя. Цзянь Сэнь не мог освободиться, а опасаясь упасть, окончательно потерял боевой пыл и лишь слегка пнул его:

— Встань и говори!

Гу И, увидев, что его настрой смягчился, тут же встал и заключил его в объятия. Цзянь Сэнь, утомленный этими разборками, махнул рукой и позволил этой огромной собаке обнимать себя. Гу И жадно вдыхал аромат его шеи, целуя мочки ушей и щеки, нарочно понизив голос:

— Брат Сэнь, не выгоняй меня.

Цзянь Сэню стало щекотно, он отклонился, уворачиваясь от поцелуев, и хлопнул его по спине:

— Не наглей!

Гу И не посмел продолжать и с обиженным видом отпустил его.

Цзянь Сэнь отодвинулся и, скрестив руки, забился в угол:

— Разве ты не хотел расстаться? Какая причина для того, чтобы передумать?

Гу И подсознательно посмотрел на его живот. Смысл был понятен без слов — ребенок. Цзянь Сэнь не знал, злиться ему или грустить, и холодно фыркнул:

— Этот ребенок не имеет к тебе отношения.

Гу И возразил:

— Доктор Чу сказал, что уже больше двух месяцев, значит, мой.

— Нет, я сказал нет, значит нет!

— Ты не можешь лишить ребенка отца!

Цзянь Сэнь дернул бровью:

— Я ведь еще не умер!

— ... — Он чуть не забыл, что Цзянь Сэнь и есть родной отец.

Гу И понял, что сболтнул лишнее, опустил голову и потянул Цзянь Сэня за край одежды:

— Брат Сэнь, не злись, я уже все понял...

Он выглядел настолько жалко, что ярость Цзянь Сэня мгновенно улетучилась, хотя на словах он оставался беспощадным:

— Отойди от меня, подонок.

Гу И понимал его характер: жесткий язык, мягкое сердце. Он нагло придвинулся:

— Брат, брат Сэнь, папочка, давай я разомну тебе плечи.

Цзянь Сэнь с каменным лицом ответил:

— У меня нет такого сына.

Гу И: «...»

Если так пойдет дальше, это никогда не закончится. После того как Цзянь Сэнь забеременел, он стал вспыльчивым, и то, что Гу И торчал перед глазами, вызывало в нем лишь раздражение. Он решил выписаться из больницы. Гу И всю дорогу следовал за ним, словно брошенная

собачонка. Вернувшись на виллу, Цзянь Сэнь захлопнул дверь, оставив Гу И снаружи.

Гу И в панике заколотил в дверь:

— Брат Сэнь, брат, не выгоняй меня, я буду слушаться!

Слушаться, как же! Цзянь Сэнь сегодня чуть не отправился на тот свет из-за него, поэтому велел выставить вещи Гу И за дверь. Как только дверь открылась, Гу И подумал, что его простили. Он хотел было подойти, чтобы приласкаться, но дворецкий поставил его чемодан на землю:

— Господин Гу, пожалуйста.

Гу И не мог поверить своим глазам:

— Я не уйду!

Он сел прямо у входа и начал буравить дворецкого взглядом. Дворецкий в замешательстве произнес:

— Господин Гу, мне так неудобно...

— Тогдапусти меня.

— ...

Впустить его было невозможно. Дворецкому пришлось закрыть дверь и беспомощно покачать головой: нынешняя молодежь умеет играть!

Гу И не уходил, а Цзянь Сэнь не собирался обращать на него внимания. В конце концов, этого щенка надо проучить, пусть посидит в одиночестве, чтобы знал: он не безвольный, просто раньше слишком баловал его. Мужа действительно нельзя слишком баловать, иначе он взлетит до небес.

Шагнув в ванну с горячей водой, Цзянь Сэнь облегченно вздохнул. Он осторожно погладил живот, все еще чувствуя нереальность происходящего. Еще два месяца назад у него были кубики пресса. Теперь из-за беременности мышцы стали мягкими. На ощупь даже приятно. Глядя на округлившийся живот, он с удивлением подумал: кровное родство — чертовски странная вещь, почему же он тогда не смог поднять руку на этот комочек мяса?

Гу И тоже — стоило услышать, что ребенок жив, как сразу передумал. Цзянь Сэнь ткнул пальцем в живот и тихо хмыкнул:

— Твой папаша не подонок, он просто ребенок.

Неизвестно, сказал ли он это малышу или самому себе.

<http://bllate.org/book/20421/2039813>